

просветители и писатели сумели осуществить одну из самых больших по тому времени культурных революций, создав из одного «нового» славянского языка выразительное средство литературы и культуры, то это теснейшим образом связано с отрицательным отношением византийской государственной и церковной власти к теории «триязычия».

Утверждение национальных языков у славянских народов, попавших в «сферу влияния» Византии, очень сильно ограничило роль греческого языка. У южных и восточных славян греческий язык и греческая письменность после возникновения славянской письменности находят небольшое применение лишь в официальных документах, главным образом при сношениях с другими странами, в частности с империей, и в надписях на монетах. Более глубокое и продолжительное воздействие оказывало другое звено, скреплявшее Византийское государство и его культурную общность, — православное вероисповедание. Насколько уступчивой оказалась империя в вопросе национальных языков, настолько требовательна и тверда она была в отношении религии. Православие превратилось в одно из самых важных средств для приобщения южных и восточных славян к религиозной, т. е. к культурной и политической жизни Византийской империи. То, что империя теряла в области политического господства, царьградская патриархия возвращала через христианизацию и учреждение подчиненной себе церковной организации среди славянских народов. Еще меньше в этом отношении можно говорить об однородности или преобладании греческого этнического элемента. Очень рано благодаря христианизации большей части балканских славян и русских царьградская патриархия оказалась, по существу, во главе «славянской церкви», по крайней мере численно, или, как правильно отметил Королевский, «византийская церковь, когда-то неправильно названная греческой, была преимущественно славянской церковью».³ На этой основе возникла византийско-славянская общность, проявившаяся прежде всего в литературе и искусстве. В более поздние века создается настоящее византийское культурное «содружество наций» как общность богатой и разнообразной культуры, развитие которой не было связано с определенной национальностью, не вмещалось в границы империи, все более ее стеснявшие, и в действительности пережившей империю. Сфера действия этой культуры была чрезвычайно широка. Первоначально главными и даже единственными средоточиями византийской культуры были политические и хозяйственные центры Византийской империи — столица Царьград и город Салоники. В короткое время возникают и развиваются периферийные центры в землях южных и восточных славян. Активно воспринимая то, что предлагала им метрополия, творцы, жившие в этих периферийных центрах, сочетали воспринимаемое извне с собственным вкладом и создавали свою самобытную культуру. Эта культура может быть названа византийской только в самом общем смысле. Несколько лет назад прекрасный знаток византийской истории Август Гейзенберг⁴ поставил вопрос «о единстве или многообразии и национальном своеобразии византийского искусства в балканских землях эпохи Палеологов».

Крупный знаток византийского искусства А. Грабар в последнее время, изучая памятники византийской живописи, отметил, что «художественный опыт, называемый нами византийским, не укладывается в раз-

³ Ср.: С. Korolevskij. Liturgie en langue vivante. — Orient et Occident. Paris, 1955, стр. 25—26, 18.

⁴ А. Heisenberg. Über den Ursprung der illustrierten Chronik des Konstantinos Manasses. — Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst, Band V, Heft 3. München, 1928, стр. 81—100.